

СОДЕРЖАНИЕ

ДОТЯНУТЬ ДО ГОРИЗОНТА

5

ОТ КАРПАТ ДО АМУРА

363

Дотянуть до горизонта

Пролог

Сс-шшихх — сверкает узкой полоской на солнце лезвие шашки, проносится над макушкой, сбивает на землю шапку и заставляет меня присесть на полусогнутых. И сразу же отпрянуть назад, на прогретый за день солнцем чёрный камень нависающей надо мной скалы, в жалкой попытке уклониться ещё и от острого кинжала, пляшущего перед глазами. Попытка и впрямь жалкая, и тем не менее уклониться получилось. Замираю на мгновение — весь вес на левой полусогнутой ноге, тело тоже скособоилось в ту же сторону. Пальцы вцепляются мёртвой хваткой в жёсткие пучки травы за спиной в попытке обрести равновесие и хоть какую-то опору...

Снова скалы и сплошной камень вокруг. Я уже видеть эти камни не могу. Надоело за полгода. Скорее бы перебраться на милую сердцу и глазу равнину, где горизонт на все триста шестьдесят градусов ровненький, словно по линейке очерченный. Или хотя бы вон туда, вниз, в долину. Где зеленеют ели и сосны, где вьётся замысловатой узкой ниткой невеликая речка и прыгает со склона на склон хорошо различимая отсюда, с гребня, дорога. А здесь, наверху, кроме камня и редкой, чудом застолбившей себе местечко в каменных трещинах жёсткой, словно проволока, травы, ничего.

И снова над головой шорох летящего лезвия. Словно юркая рыбка в воде играет над головой клинок, пластает ломтями густой воздух Карпат. И отступить уже некуда. Если только кувыркнуться в сторону, что я и делаю, предварительно каким-то чудом умудрившись отмахнуться рукой от подлетающей сбоку кáмы...

Кувыркаюсь, отпрыгиваю ещё дальше, разворачиваюсь в воздухе навстречу противнику и... Наталкиваюсь на добродушную улыбку...

Улыбка на усатом, заросшем густой чёрной бородой лице больше похожа на оскал. Но это добрый оскал, после которого можно выдохнуть и расслабиться.

Расплата за расслабление следует сразу же. Клинок больно и обидно шлёпает плоской стороной по бедру... А кинжал-кама с сухим щелчком скрывается в ножнах...

Всё, вот теперь точно конец тренировки. Подбираю вылетевшую из рук дрянную сабельку, иду к бивуаку, присаживаюсь на свой же кафтан. Сейчас бы упасть навзничь, вытянуться, да нельзя, не поймут такой слабости мои новые знакомые. Ребята вокруг суровые, к физическим нагрузкам и лишениям сызмальства привыкшие, поэтому ни в коем случае нельзя мне «терять лицо». Потому-то просто прикрываю глаза...

Глава 1

Эх, и занесла же меня нелёгкая! И наладилось вроде всё уже — здоровье восстановилось, переломы срослись, война, самое главное, закончилась, и нате вам! Какого чёрта (тьфу-тьфу через левое плечо) понесло нас на западные склоны Карпат? Как будто на нашей стороне деду заработка не хватало...

После той знаменательной встречи с моим давним товарищем Андреем Вознесенским прошло почти два с лишним месяца. Сколько дней было в этом самом лишнем, одному богу известно, потому что я счёт дням давно потерял. Да и для чего мне было эти дни считать? Правильно, не для чего! Живу себе потихоньку в горах с самого начала весны, травки разные пью, что мне дед заваривает, помогаю ему по мере сил и возможностей, а возможности эти и силы с каждым прожитым днём всё лучше становятся. По горам словно молодой начал прыгать, со склона на склон почти без передышки забираюсь. Короткие остановки не в счёт. Ну и по мере своего разумения перенимаю кое-что у деда из его навыков по травничеству. Зачем? А не знаю. Просто чтобы было. Мало ли когда пригодиться может? Чему-то более основательному он меня не учит, якобы способностей у меня нет. Но я так понимаю, хитрит старый. То ли секреты на

сторону (оставаться-то я тут, в горах, не намерен) передавать не хочет, то ли ещё чего опасается. Ну, это его дело, а моё — восстановиться после неудачного падения со скалы в самом конце этой зимы...

Вляпались мы тогда знатно. То ли предал нас кто-то в штабе армии или в Ставке — продал немцам, а может, просто кто-то важный и принимающий решения чего-то не додумал, или, в конце концов, сработало обычное наше головотяпство, но вылетел я на воздушную разведку вместо трофейного «Альбатроса» на нашем «Муромце» и знатно влип! Заклевали нас немцы с австрийцами, навалились со всех сторон, невзирая на собственные потери. Не помогли нам наши пулемёты, не спасло лёгкое бронирование кабины. Хотя тут я зря поклёп возвожу — бронированию стоит отдать должное. Если бы не оно, я бы сейчас по горам не прыгал, а лежал бы где-нибудь на горном склоне вместе со всем своим экипажем среди догнивающих обломков нашего славного самолёта...

Но сбить нас всё-таки сбили. Правда, мне удалось умудриться посадить израненную машину на горный пологий склон. Только рано мы обрадовались. Потому как дальше удача повернулась к нам своей обратной стороной. И это точно не та часть тела, что зовётся спиной...

После приземления или приснежения, так как садились мы на снег, налетели правыми колёсами на спрятавшийся под настом камень, заломили стойку со всеми вытекающими. Удар, грохот и скрежет, разворот, переворот через крыло. Повезло, что моторы уже не работали, так что отделались просто испугом. Шишки и сотрясение после такого фееричного кульбита я даже в расчёт не беру. Хотя после воздушного боя со всеми его перипетиями этой аварией нас уже не испугать было. Или просто не успели испугаться, слишком уж быстро всё произошло. Посадка, удар, треск, переворот с разворотом вниз по горному склону и полная тишина. Ну,

с тишиной-то я поспешил. Потому как немецкие пилоты даже после аварии нас не отпустили. Постреляли по обломкам «Муромца» сверху, покружились над нами, убедились в отсутствии признаков жизни на поляне и только тогда улетели. Ненадолго, как чуть позже оказалось. Ну и мы начали выбираться из спасшей нас в очередной раз бронированной капсулы кабины...

Но не всем из нас удалось спастись в этом бою. Погиб наш новый стрелок, ранен был в очередной раз Маяковский. Ну и побились немножко при аварийной посадке, не без этого. По крайней мере, лёгкое сотрясение себе заработали и инженер, и штурман. Мы с Семёном, как самые опытные или везучие, отделались слабыми ушибами.

Понимали прекрасно, что улетевшие самолёты противника скоро вернутся, и постарались воспользоваться по полной этим кратким моментом затишья. Поднялись чуть вверх по склону, в перепаханной обломками земле выкопали могилу и похоронили нашего товарища. Крест поставили. Попрощались, как положено, а я для себя отметку на карте сделал. Потом перешлю родным эти координаты. Если выберемся, само собой.

Уходить от горящего самолёта пришлось в быстром темпе. Из обломков на скорую руку соорудили простенькие волокуши, загрузили неходячих и двинулись вдоль распадка. Судя по настойчивости, противник нас в покое не оставит.

То, что на земле нас немцы в покое не оставят, я был уверен. Ну и с воздуха преследование никто не отменял. Как и предсказывал, вскоре вернулись аэропланы противника и начали буквально «по вершинам сосен» ходить. А у нас волокуши. И с ними особо под деревьями не спрячешься. Нашли быстро. И навели на наш след погоню.

Короче, вцепились немцы в нас крепко.

А у нас из полностью боеспособных членов экипажа остались только ваш покорный слуга да Семён, остальные глаза в кучку собрать не могли. Хорошо хоть на своих ногах передвигались. С трудом, правда, передвигались, но и то хорошо в подобных условиях.

Пришлось мне принимать бой. Как менее пострадавшему и самому целому из экипажа. Про опыт я уже ничего не говорю, это и так понятно. Семёну приказал уходить и выводить людей. Кроме него никто бы не смог этого сделать.

А если уж совсем быть откровенным с самим собой, то я прекрасно отдавал себе отчёт в том, кто именно из нашего экипажа нужен немцам, за кем они так настойчиво рвутся. Останется в прикрытии Семён, и погоня всё равно продолжится. А если я, то мои товарищи смогут уйти...

Выбрал подходящее для встречной засады место, оборудовал основную и запасные позиции, наметил пути отхода... И понеслось. И ведь отбилась и почти ушёл, оторвался. Если бы не это падение со скалы... Снег подвёл... Но и здесь судьба сумела удивить. Низкий поклон деду-мольфару за спасение моей беспмятной и изломанной тушки. Повезло мне, что на той скале был узкий карниз. Вот на этот карниз я и упал. Как раз перед входом в небольшую пещерку, где в это время на моё счастье отшельничал старый местный колдун.

А дальше, со слов деда, затащил он меня в узкую каменную норку, симитировал чуть в стороне небольшой обвал и затихарился, вход камнями заложил, старой грязной шкурой завесил, занялся моими ранами и переломами. Так и провозился тихонько в пещере со мной, пока наверху и внизу у подножия скалы шли поиски. Искали меня, правду сказать, спустя рукава. Даже каменный обвал не стали разбирать. Удостоверились, что внизу никаких следов не было, и ушли.

Как рассказал мне чуть позже дед, для него лучше было в тот момент заняться спасением моей бессознательной тушки и сохранить в тайне от всех это место, чем столкнуться в итоге с разъярённой толпой на скальном карнизе, которая неизвестно ещё как себя поведёт... И зябко повёл при этих словах плечами. Короче, выбрал из двух зол меньшее...

А потом дед основательно занялся моим лечением и в результате поставил-таки на ноги. Вот только с памятью у меня после падения были проблемы. Не помнил я ничего. Но знахарь уверял, что память вернётся. И она вернулась...

Вернула мне её как раз встреча с моим давним товарищем. И вспомнил я, как погиб в своём родном мире, как каким-то чудом оказался здесь, в этой действительности и в этом чужом теле. Теле поручика-авиатора. Как пришлось срочно перекраивать своё восприятие этой действительности и вращаться в местное общество. Врос, деться-то мне некуда было. Ну и продолжил летать, сам собой. Дело знакомое, любимое. Прежние навыки, как и знания с опытом, никуда не делись. Воспользовался ими, как сумел. И кое-чего добился. Оставаться в стороне от грядущих событий и потрясений для своей страны и жить в своё удовольствие, пользуясь этими самыми знаниями, не смог. Хотя, честно сказать, в самом начале присутствовала подобная мыслишка...

А тут и её величество Судьба сыграла на моей стороне — преподнесла мне шанс подняться повыше, свела с главным инспектором Адмиралтейства генералом Остроумовым. Дальше — больше. Командировка в качестве личного пилота инспектора в Ревель, представление командующему адмиралу Эссену. Воспользовался предоставленным мне шансом на полную катушку. Не растерялся. До Первой мировой-то всего ничего оставалось...

Потом столица... Удалось познакомиться с Сикорским, воспользоваться своими знаниями и удивить конструктора. Ну и показать-подсказать кое-что. Дальше — больше. Прекрасно оценивая свои скромные возможности простого поручика-авиатора и понимая всю сложность своего реального положения, к царю на приём не рвался. Знанием будущего не размахивал направо и налево, никто бы всё равно в подобное не поверил. В лучшем случае просто похихикали бы в спину и закрыли передо мной вообще все общественные и административные двери, а в худшем же... В худшем упрятали бы в какой-нибудь сумасшедший дом.

По здравом размышлении пошёл другим путём. Получилось ли это у меня? Не знаю. Да и никто не знает. Короче, просто хорошо делал свою работу. Благодаря этому выбился из общей массы, показал себя, завёл необходимые знакомства, кое-чего, как мне кажется, добился... А там уж и рассказал о надвигающейся катастрофе...

Вынырнул из воспоминаний, приподнял голову, огляделся. Ну и прислушался, само собой. Даже, скорее, первым делом прислушался и только потом поднял голову. Никого вокруг, это хорошо. Тишина...

Расстались мы с дедом сегодня утром. Закончились наши с ним совместные похождения. Может быть, зря расстались, но это было не моё решение. Я бы ещё с ним походил, очень уж интересным был новый опыт, новые для меня навыки. Нет, летать, само собой, здорово, лучше этого ничего на свете нет, но и овладеть теми знаниями, что имел знахарь, тоже очень хотелось. Но не срослось. Отказался дальше учить меня травничеству старый. Выставил вон после утреннего разговора по душам. Потому что мне это, мол, уже не нужно. Не моё это, по его собственным словам — травки собирать да по горам бродить. И не пригодится мне это всё в моей дальнейшей жизни. Того, что я успел у него ухватить, впол-

не хватит. Пора мне возвращаться на свой путь, именно мне предназначенный. Кем?

А вот тут дед ничего не ответил, как всегда сделал вид, что внезапно поплохело у него со слухом. Настаивать на ответе не стал, из опыта уже знал, что это бесполезный номер. И что у меня за путь, куда он ведёт — все последующие вопросы также остались без ответа. Зато стоило мне только успокоиться и перестать наседа́ть на деда с вопросами, как разговор, а скорее, монолог знахаря тут же продолжился. Ну и понятно уже, чем это продолжение закончилось. Моим теперешним одиночеством и самостоятельным «плаванием» по пересечённой местности. Теперь хочешь не хочешь, а придётся выполнять наказ колдуна и возвращаться в «цивилизацию». А так не хочется. Так что перебираю по склону ногами, а сам утренний разговор вспоминаю. И дедовы недосказанные откровения...

Поверил я ему сразу. Потому что успел за время нашего знакомства убедиться — всё, что дед говорит, имеет свойство сбываться. Не раз лично в этом убеждался. На чужом, правда, примере убеждался, но это-то как раз и хорошо, что на чужом. Зачем рисковать собственной шкурой, когда есть чужая? То-то и оно...

Теперь вот сижу, голову ломаю, каким образом мне лучше всего отсюда выбираться? В наших совместных скитаниях, а скорее, в дедовых (потому как от моего желания наш маршрут ну никак не зависел), забрались мы довольно-таки далеко от первоначального места нашей встречи. Или, что вернее будет, места нахождения знахарем моей многострадальной изломанной тушки. И сижу я сейчас не на территории Российской империи, а на земле австрийской, чужой и враждебной мне по определению.

Чтобы вернуться к своим, мне необходимо снова пройти через Карпатские горы. На восток, в обратную

сторону. Сейчас же я нахожусь на западе, в их европейской части. Как раз в предгорьях. И нет у меня никакого желания возвращаться пешком и заново повторять недавно пройденный путь, слишком уж это тяжело. Даже для меня, практически полностью восстановившего своё здоровье. Почему почти? А дед сказал, что подобные переломы для организма просто так не проходят и всё равно до конца не лечатся. И периодически будут докучать мне ноющими болями. Особенно на погоду. Ну и в старости, само собой... Впрочем, до старости ещё дожить нужно. Но тут дед меня и обрадовал. Доживу! Если сам где-нибудь по собственной глупости не загнусь. Как в прошлый раз. Потому как вовсе не обязательно было тогда в пропасть сигать. А то, что это у меня совершенно случайно случилось, так это деда совершенно не интересовало и в качестве моего оправдания в расчёт не принималось. Даже как бы наоборот. Дед так и сказал: «Говорю же, от собственной дури поломался да побился! Кто тебе мешал за гребень заглянуть, прежде чем через него переваливаться? А? То-то...»

И все мои жалкие оправдания ничего не стоили...

Ладно, пустое всё. Главное, я жив и почти здоров, могу стоять на своих собственных ногах, и не только стоять, руки и голова целые. И память вернулась. Полностью или нет, не знаю, но, как мне кажется, вспомнил я всё. Ну и переосмыслил по мере воспоминаний всю свою жизнь в этом времени. Только окончательное решение по дальнейшим планам на жизнь пока не принял. Оставил это на потом. Вот вернусь, осмотрюсь, а там и определюсь окончательно и с планами, и со своей дальнейшей жизнью. Потому как есть что-то в моих воспоминаниях непонятное, тревожащее меня по ночам. Утром просыпаюсь, а вспомнить всё то, что заставляло во сне волноваться, не мог. Долго после такого не мог заснуть — лежал, успокаивал разошедшееся сердце и всё

пытался пробиться через дымку грёз. И ничего из этих попыток не получалось. Потому-то и не уверен я до конца, что вспомнил всё. И по этой же причине немного страшно возвращаться назад... Но нужно.

Эх, как идти-то по этим горам не хочется. Самолёт угнать, что ли, как в прошлый раз? Вот где тоже некое опасение присутствует... Смогу ли, как прежде, в воздухе себя вольной птицей чувствовать, или страх вновь поломаться к земле придавит?

Но за самолётом нужно на равнину спускаться, уходить ещё дальше на запад. А там... Вот что там сейчас происходит, я как раз и не знаю. Да и знать пока не желаю. И спускаться сейчас вниз, это значит ещё больше удлинять обратный маршрут. Поэтому как бы мне ни надоело горным козликом вверх-вниз по горам скакать, а идти нужно всё-таки на восток.

И хватит время тянуть, пора отправляться в путь.

И я зашагал вверх по пологому склону навстречу солнцу. А потом вниз с противоположного склона, выбирая удобную для спуска звериную тропу. Это сейчас ещё хорошо, а дальше труднее станет, настоящие горы начнутся. И шагал так до вечера с редкими перерывами на отдых и еду. Кое-какой запас твёрдого, словно камень, сыра и таких же по состоянию лепёшек у меня был. Заночевал в лесу, в долине. А что? Пока ещё лето, тепло. А ночевать под открытым небом я за это время привык. Дождя же нет? Нет. Да и если бы был, то ничего страшного. Можно и просто так под открытым небом ночевать, а можно и под еловую крону спрятаться, плащом укрыться. Плащ у меня знатный. Шерстяной, хороший, почти непромокаемый. Зато, когда промокнет, становится тяжёлым и неподъёмным. Так что лучше уж под какой-нибудь кроной спрятаться на всякий непредвиденный случай.

А на следующий день мне «повезло». Поймали меня. Сцапали. Перехватили на переходе в очередной долине.

Как раз в тот момент, когда я с пологого склона к речке напиться спустился. Воистину, лучше бы я с горы не спускался. Всё зло внизу...

Испугаться я сильно не испугался. Хотели бы убить, убили бы сразу, потому как нравы здесь простые. Тем более война только-только отгремела. Даже ещё и не закончилась вроде бы как. Так, мир-перемирие временное. Да и то лишь с германцами. Австрия пока просто притихла. Замерла, на союзника оглядывается, как я понимаю, и... Наверняка опасается повторения немецкой революции у себя... Да, в Германии же революция произошла! Я и забыл об этом! Потому-то и не до войны сейчас немцам, солдаты из окопов домой бегут...

Турция же... А вот турки пока вовсю саблями машут. Всё не уймется никак, горячие южные парни. Но это всё я знаю по тем скромным слухам, что до нас с дедом доходили, да и то неточно. А что в мире на самом деле происходит, мы и не знали. Деду всё равно, а мне же... Нет, не то чтобы не интересно, но... Даже не знаю, как и объяснить-то... Я как будто жить начал только с того момента, как в пещере очнулся. А когда память вернулась, то... Да я все эти всплывшие воспоминания воспринимал... Как кино, что ли... Да — было, да — интересно, но это всё уже прошло и словно бы не со мной и случилось. А сейчас жизнь начинаю с чистого листа, и все мои воспоминания пусть никуда и не делись, но остались где-то позади, словно в каком-то тумане спрятались...

Так вот, как я попался-то...

Иду я, значит, себе тихонько, к воде подбираюсь. Ну и по сторонам поглядываю и, само собой, прислушиваюсь. Хотя какое тут «прислушиваюсь» — чуть в стороне речка многочисленными перекатами грохочет. Не шибко-то много и услышишь в таком грохоте. Оттого я и проворонил приближение всадников и стук копыт не засёк. И насчёт поглядывания по сторонам

приврал. Как только вода перед глазами заблестела, так и забыл я обо всём окружающем. Ну а потом и удирать было поздно. Потому как уже понятно стало, что крепко вляпался. Нет, в кусты-то я само собой метнулся, да разве на равнине от всадников убежишь? Что мои две ноги против четырёх лошадиных? А до спасительного леса чуть выше по склону далековато было. Так что можно было и не дёргаться. Пеший конному не соперник.

Вот и мой отчаянный рывок не явился исключением. Настигли меня сразу же — на плечи верёвка упала, руки к туловищу притянула, назад дёрнула, прямо об землю спиной и приложила. Весь дух из меня и вышибло. Хорошо хоть кусты с травой падение несколько смягчили. А про выбитый дух это я для красного словца сказал. А как иначе-то? Не хорохориться же перед моими пленителями? Я ещё и закашлялся, заперхал, сделал вид, что отдышаться не могу. А сам в это время быстро ситуацию прокачиваю. А что её прокачивать-то? Вот как только верёвка прилетела, плечи стянула, так и осознал всё. Кто ещё подобным образом может людей ловить? Свои меня повязали. Казаки это. Снова я в их цепкие руки попал.

Вздёрнули меня на ноги, окружили, слова в собственную защиту сказать не дали, хорошо хоть кулак в зубы не сунули.

— Зачем бежал? Почему бежал? — в гортанном голосе отчётливо слышатся знакомые акценты и почти не сдерживаемый смех. Ну и довольство от удачной поимки такого невезучего меня. А ответа от меня никто и не ждал, зато содержимое моего тощего мешочка сразу на траву вытряхнули.

Ошибся я. И не казаки это вовсе, а кавказцы. Наслышан. Дикая дивизия...

Недолго у речки смех раздавался. Вот как только тряпицу с моими орденами и погонами на траву из меш-